

11.06.94.

Ландграф Станислав

Эндшпиль Крэппа

СЦЕНА

Пьесы Самуэля Беккета редко появляются на отечественной сцене, похоже - увыл - это традиция. Ее истоки в затхлой эпохе цензурного гнета и туповатых худсоветов, когда в совдеповской идеологизированной картотеке лауреат Нобелевской премии числился под лейблом ярого антигуманиста. В театральных кругах, равно как и в некоторых публикациях тех лет, иногда давала о себе знать другая точка зрения, но сдержанное, недоверчивое отношение к Беккету осталось до сих пор. Современный театр явно не стремится пройти строгую школу абсурдистской драматургии, по-житейски его понять нетрудно - широкий зритель на Беккета точно не пойдет, а на интеллектуалах кассу не сделаешь. Поэтому было довольно неожиданно увидеть афишу Театра эстрады, извещающую о том, что продюсерское агентство "Далекс" представляет народного артиста России Станислава ЛАНДГРАФА в моноспектакле по пьесе Беккета "ПОСЛЕДНЯЯ ЛЕНТА КРЭППА".

И. Дюшен писал по поводу беккетовских персонажей, что "их отчаяние, отчужденность, одиночество странным образом питают оптимизм зрителей, которые тем не менее никогда не отождествляют себя с героями Беккета". Любопытно упоминание об оптимизме - если не понимать его буквально то, очевидно, что речь идет о катарсисе, о том возвышенном, волнующем чувстве соприкосновения с жизнью через искусство, о возрождении стремления к соучастию в ней, которое особенно остро проявляется при встрече с искусством колористически мрачным, сгущенно-рефлексивным и далеким от малейшей толики оптимизма.

Беккет - вот уж кто не питал абсолютно никаких иллюзий по поводу жизни и участи рода человеческого! Во всех его произведениях настойчивым, тяжелым риффом звучат мучительные размышления о бессилии перед ликом смерти, об абсурдной механике Бытия. Именно поэтому Беккета недолюбливают обыватели от культуры, он кажется им дискомфортным (как и рок-н-ролл), им не дано увидеть в гротескных абсурдистских узорах величайшего сострадания к Человеку, сочувствия к нему, плача во имя него.

"Последняя лента Крэппа" - наиболее реалистическая и, соответственно, наименее абсурдистская пьеса гениального драматурга. Здесь нет застывшего, замедленного, тягучего

"антидействия", иррациональность ситуации Крэппа адекватна естественной иррациональности старости, но в аранжировке Беккета тема одиночества получает трагикомическую окраску - его герой общается с магнитофоном, ничто другое уже не связывает Крэппа с жизнью, она беззвучно уплыла в пронумерованные коробки с пленкой.

В исполнении Станислава Ландграфа изощренная фактура монодрамы обретает сценическую достоверность. Сложность роли в том, что она предлагает исполнителю одновременно три временных плана. Первый, самый реальный, подобен айсбергу - мы видим Крэппа, слушающего запись собственного голоса, сделанную много лет назад. Голос с ленты тоже вспоминает, его рассказ о далеком любовном эпизоде полон ностальгии (уже тогда началась рефлексия), но в целом звучит довольно бодро, только Крэпп-старик осознает в полной мере бездонный смысл фразы "...мои лучшие годы уже прошли". Он посмеивается, слушая "этого глупого ублюдка", кричит, мяукает, по-стариковски, сладострастно жует банан или оцепенело застывает над магнитофоном, вслушиваясь в нездешние мелодии прожитой жизни - да, ничего хорошего ждать не приходится. Его широко расставленные, дрожащие пальцы бережно оглаживают корпус старой игрушки, ворча, чертыхаясь, он вновь и вновь перематывает пленку к словам, отразившим главное событие в жизни.

Всегда что-то скрыто там, в глубине реального - за словами, за паузами, за действиями. Все, что происходит с нами - предрешено, мы можем только выразить свое отношение к происходящему. Не так уж мало, если разобраться.

Трудно сказать, как часто будет играть этот спектакль. Желательно почаще - чтобы не ушло найденное, чтобы оно раньше времени не превратилось в эпизод воспоминаний. Постановщик Виктор Минков очень тактично "растворился" в актере, может быть, главная его заслуга в том, что он обратил внимание Ландграфа на беккетовскую пьесу. Немного лишней кажется музыка Грига, вносящая совсем не свойственную Беккету сентиментальность, не решено еще сценическое пространство спектакля. Тем не менее, благодаря емкой, насыщенной точными деталями работе Ландграфа, спектакль уже состоялся.

Анатолий ГУНИЦКИЙ

Селенко - С-176 - 1994 - Москва - е.с.